

1. Нэп в сельском хозяйстве

Сначала революция в деревне заключалась в сведении всех хозяйств к единому экономическому уровню и затормаживанию социальной дифференциации. Уничтожение крупных владений и их раздел дали каждой крестьянской семье в среднем по 2 га пригодной для обработки земли (примерно 0,5 га на одного взрослого человека). Это было ничтожно мало, но все-таки позволило многим выйти из-за черты бедности. Самым бедным безземельным крестьянам (12% в 1913 г. и 3% в 1926 г.) достался чисто символический кусочек земли, самым богатым — тем, кто обрабатывал площади более 10 га, — пришлось вернуть часть своих земель во время перераспределения 1918 — 1921 гг., когда возрожденная сельская община начала борьбу за уравниловку. Следующие один за другим переделы земли все больше дробили наделы, число которых за время революции выросло наполовину (16 млн. в 1914 г. и 24 млн. в 1924 г.). Исчезновение крупных землевладельцев и значительное ослабление слоя зажиточных крестьян повлекло за собой уменьшение производства зерна, предназначенного на продажу вне деревни, поскольку до войны именно эти две категории производителей поставляли 70% продаваемого зерна. В 1926 — 1927 гг. крестьяне потребляли 85% собственной продукции. Из 15% зерна, шедшего на продажу, 4/5 находилось во владении бедняков и середняков. Кулаки, составлявшие 3 — 4% сельского населения, продавали 1/5 часть зерна. Все это не облегчало работу государственных органов, покупающих сельскохозяйственные излишки.

Еще одним следствием революции в деревне была «архаизация» крестьянства. Она выразилась прежде всего в резком падении производительности труда — наполовину по сравнению с довоенным периодом. Это объяснялось постоянной нехваткой орудий производства и недостатком тягловых лошадей. В 1926 — 1927 гг. 40% пахотных орудий составляли деревянные сохи; треть крестьян не имели лошади, основного «орудия производства» в крестьянском хозяйстве. Неудивительно, что урожаи были самыми низкими в Европе. Эта «архаизация» выразилась также в замкнутости крестьянского общества на самом себе, в возврате к натуральному хозяйству и остановке механизма социальной мобильности, 20-е годы стали периодом расцвета сельской общины — органа действительного крестьянского самоуправления. Она ведала всеми вопросами коллективной жизни, но уже не осуществляла, как раньше, мелочной административной опеки за каждым крестьянином — членом общины, эта функция перешла к сельсоветам и местным партийным ячейкам. Общинные традиции, живые, как никогда, отбивали охоту становиться полноправными независимыми хозяевами своих наделов даже у самых предприимчивых (в основном молодых крестьян, вернувшихся из армии). В 20-е годы менее 700 тыс. крестьян вышли из общин. До революции сезонные работы были клапаном, уменьшающим напряжение, нагнетаемое перенаселенностью деревни. В 20-е годы эта проблема оставалась по-прежнему острой. При общем сокращении производительности труда избыток сельского населения составлял 20 млн. человек. Однако теперь выбор пути его оттока значительно ограничился. Если до войны приблизительно 10 млн. крестьян ежегодно уходили из деревни и нанимались сельскохозяйственными рабочими, лесниками, чернорабочими или рабочими, то в 1927 г. эта цифра составила всего 3 млн. Трудности, порожденные

сильным сокращением отходничества, перевешивали экономические выгоды, принесенные революцией крестьянству, складывавшиеся из незначительного расширения наделов и снижения косвенных налогов и арендной платы,

По сравнению с дореволюционным периодом крестьяне проиграли в очень важной области — при товарообмене, — и обязаны этим они были экономической политике государства. Промышленные товары были дорогими, плохого качества и, главное, труднодоступными. В 1925 — 1926 гг. деревня переживала страшный недостаток сельскохозяйственного оборудования (которое не обновлялось с 1913 г.). Государственные же закупочные цены на зерно были очень низкими и часто не покрывали даже себестоимости. Выращивать скот и технические культуры было гораздо выгоднее. Этим и занимались крестьяне, пряча зерно до лучших времен, когда им могла представиться возможность продать его частным лицам по более высокой цене. Неизбежный в таких условиях рост закупочных цен на свободном рынке не вдохновлял крестьян на продажу продуктов государству. Дефицит товаров и заниженные закупочные цены, делавшие для крестьян невыгодной продажу зерна, заставили их принять единственно логичную экономическую позицию: выращивать зерновые, исходя из собственных нужд и покупательных возможностей. Эта тактика крестьян объяснялась, помимо всего, пагубным опытом «военного коммунизма» и воспоминаниями о продразверстке. Крестьянин, таким образом, производил столько зерна, сколько было ему необходимо для пропитания и возможных покупок, но при этом отлично понимая, что стоит властям заметить у него малейший достаток, как он сразу будет причислен к «классу кулаков». На самом деле эти «сельские капиталисты» очень пострадали во время революции. Чтобы оказаться в «классе кулаков», достаточно было нанять сезонного рабочего, иметь сельскохозяйственную технику, чуть менее примитивную, чем обычный плуг, или держать две лошади и четыре коровы (кулаки составляли примерно 750 тыс. — 1 млн. семей). Сами критерии (чаще всего неопределенные) принадлежности к кулачеству («враги советской власти») говорили об очень непрочном положении этих землевладельцев, зажиточных разве что по меркам русской деревни. «Опасность со стороны кулачества» объяснялась на деле крайним напряжением между властями и крестьянами, возникавшим каждую осень, когда государственные ведомства и кооперативы не справлялись с планом по закупке на рынке зерна для города и армии. Поскольку зажиточные крестьяне производили 1/5 зерна для продажи, власти сделали вывод, что закупочные кампании срываются из-за кулаков, которым удается выплачивать налоги за счет технических культур и продукции животноводства и которые скрывают излишки зерна, для того чтобы продать их весной по более высоким ценам. В действительности провал закупочной кампании (количество зерна уменьшалось с каждым годом: в 1926/27 г. было закуплено 10,6 млн. т, в 1927/28 г. — 10,1 млн. т, а в 1928/29 г. — 9,4 млн. т) объяснялся враждебным отношением не только кулаков, а всего крестьянства, недовольного условиями купли-продажи и политикой властей.

В 1926 — 1927 гг. стало очевидным, что «союз рабочих и крестьян» на грани распада. Просчеты властей не ограничивались несбалансированной политикой цен. Правительство без внимания отнеслось к различным формам кооперации, начиная с артелей, кончая «товариществами по совместной обработке земли» (ТОЗами), которые возникли стихийно и к 1927 г. уже объединяли около 1 млн. крестьянских хозяйств. Абсолютно заброшенными оказались совхозы. Это кажется тем более удивительным, что совхозы были редкими островками государственного сектора в деревне. Однако они не могли быть образцом для мелких землевладельцев, так как были крайне бедными. Что же касается селекции семян, улучшения культуры землепользования, многополья, укрупнения хозяйств, распространения агрономических знаний в деревне, обучения агрономов и механиков — все это было записано в решениях и документах, принимавшихся на самом высоком уровне. Однако чаще всего такие решения оставались на бумаге.